сколько я помню, выделялось не пояснительными скобками, а исключительно чудовищностью своего содержания, что нам всем троим бросилось в глаза».

[72] Heidegger (1983). 25.

[73] Pflasterstrand. 17.5.1985, 42—44.

[74] Ibid. S. 46.

[75] *Petzet H. W.* Auf einen Stern zugehen. Begegnungen und Gespräche mit Martin Heidegger. Ffm., 1983. S. 101.

[76] *Heidegger M.* Nietzsche: In 2 Bd. Pfullingen, 1961.

[77] *Dreyfus H. L.* Holism and Hermeneutics // Rev. Metaphys. 1980. Sept. 3ff.

[78] В этом смысле Э. Нольте заканчивает свою работу о философии и национал-социализме словами: «Я полагаю, что деятельность Хайдеггера в 1933 г. и анализ, оценка своей ошибки, предпринятые в 1934 г., были более философичны, чем правильность неизменно дистанцированного и в высшей степени заслуживающего уважения поведения Николая Гартмана».

[79] Исключение в данном случае составляет: *Marten R.* Heideggers Geist. 1988. 20 allmende. 82ff.

[80] Ср.: *Ott H.* Wege und Abwege // Neue Züricher Ztg. 1987. 27. Nov. S. 39; В этом сочинении содержатся также критические ссылки эксперта на книгу Фариаса.

[81] *Ritter H.* Bruder Heidegger // FAZ. 1988. 2. Febr.; *Fellmann F.* Ein Philosoph im trojanischen Pferd // Ibid. 1988. 2. März. Здесь философ из Мюнстера, чтобы вернуться к теме Фариаса, использует одно итальянское сочинение о Карле Лёвите. Он по своему раскладывает роли, которые в свое время довольно однозначно были распределены между преступником и жертвой: «Философски более интересен, чем совращение Хайдеггера пагубным духом нацизма, тот соблазн, который таится в абсолютном притязании Гуссерля на конечное обоснование научности». Не только еврейское происхождение, но и гуманизм уберегли Гуссерля от пагубы нацизма, так почему с философской точки зрения это не должно быть интересно?

[82] *Bernath K.* Martin Heidegger und der Nationalsozialismus // Süddt. Ztg. 1988. 30/31. Jan.; 6/7. Febr.

[83] *Baudrillard J.* Zu spät! // Zeit. 1988. 5. Febr.

[84] *Busche J.* Also gut. Heidegger war ein Nazi // Pflasterstrand, Januar 1988.

# О ФИЛОСОФСКОМ ПЕРЕВОДЕ

*В. С. Малахов*

Знакомство с классической и современной зарубежной философией происходит у нас в большинстве случаев через переводы. Даже те, для кого языковой барьер не является непреодолимым, часто обращаются к переводной литературе. Помимо экономии времени здесь есть и другое соображение: перевод — это всегда тем или иным образом истолкованный оригинал, и (за исключением, конечно, тех случаев, когда затрагивается наш специфический профессиональный интерес [1]) мы охотно прибегаем к таким истолкованиям. Мы не можем не полагаться на переводчиков, берущих на себя труд по освоению чужой культуры в родном языке. Мы не можем не доверять переводам. Но насколько оправдано это доверие?

Перед нами перевод двух глав из книги Г.-Г. Гадамера «Истина и метод» [2]. Первая попытка дать русскоязычное воспроизведение сочинения, ставшего программным для целого философского

течения. Вооружившись немецким текстом, совершим небольшую экскурсию по его русскому переложению [3]. На этом пути нас ждет немало сюрпризов. Вот лишь некоторые из них.

Оригинал: «. . .постоянно *новое проецирование, в чем состоит* (курсив мой. — *В. М.*) осмысленное движение понимания и истолкования» [4]. Перевод: «. . .постоянное *проецирование нового, составляющего* (курсив мой. — *В. М.*) движение смысла понимания и истолкования» (с. 98).

Оригинал: «Здесь нет иной „объективности", кроме той *проверки, которую предмнение находит* (курсив мой. — *В. М.*) в процессе своей разработки» [5]. Перевод: «Здесь нет никакой другой объективности, кроме как такой *проверки, которая находит предмнение* (курсив мой. — *В. М.*) путем его разработки» (с. 98).

Оригинал: «. . .употребляет слова, которыми он пользуется, в знакомом мне смысле» [6]. Перевод: «. . .воспринимает слова, которые он употребляет в знакомом мне смысле» (с. 98).

Как видим, переводчица неверно распознает местонахождение субъекта и предиката в интерпретируемых суждениях или, говоря проще, меняет местами подлежащее и сказуемое.

Еще один пример. На с. 275 оригинала читаем: «Какие следствия вытекают (буквально: «что вытекает») для понимания из герменевтического условия принадлежности к традиции?». На с. 100 перевода: «Что вытекает из герменевтического условия для *понимания принадлежности к традиции*?» (курсив мой. — *В. М.*). Здесь не просто неточность — здесь неверная передача положения, имеющего принципиальное значение для гадамеровской концепции герменевтики. Но, чтобы не отсылать к контексту, ограничим наш комментарий только данным предложением. Речь в нем идет, во-первых, о понимании, во-вторых, о «принадлежности к традиции» как его условии, а в-третьих, о том, какие следствия отсюда для понимания вытекают. О «понимании принадлежности к традиции» тут ни слова не сказано.

Подобными казусами дело не ограничивается. За ошибками синтаксического характера кроются ошибки семантические. Переводчица предварительно не уяснила себе смысл переводимого текста в целом — отсюда и неверная передача смысла отдельных частей. Так, концептуально важное для герменевтики Гадамера положение о «понимании по сути» или «предметном понимании» в переводе предстает как необходимость «быть с кем-либо о чем-либо одного мнения» (с. 103); греческая «онтология субстанции» (противопоставляемая Хайдеггером и Гадамером новоевропейской «онтологии субъективности») оказывается «онтологией греческой субстанции» (с. 99), а индивидуальные, «особенные» мнения отправителя — «странными (!) мнениями написавшего письмо» (с. 102). Lesen dessen was dasteht, т. е. чтение «наличного» в тексте, имеющегося, присутствующего в нем, переведено как «чтение того, *что стоит там*» (с. 99. Курсив мой. — *В. М.*). Уже упомянутая «онтология субстанции», если верить переводу, «*разделяет* (курсив мой. — *В. М.*) бытие на бытие как настоящее и бытие как присут-

ствующее» (там же), тогда как, согласно оригиналу, она (онтология субстанции) его таким образом истолковывает (auslegt).

Чтение текста перевода то и дело приводит к недоумению, причем недоумению двоякого рода: у тех, кто прежде не был знаком с книгой Гадамера, справедливо возникает вопрос о ее качестве (ибо, если судить по переводу, она подчас лишена элементарной логичности), а те, кто ранее читал эту работу, вряд ли узнают ее содержание в русском переложении.

«Неточности» и «неясности» перевода, увы, не случайны и не эпизодичны. Они порождены *непониманием* переводчицей смыслового содержания переводимой ею концепции. Чтобы не умножать примеров, остановлюсь еще только на одном моменте подвергнутого переводу текста. Это цитата из Хайдеггера, имеющая для Гадамера программный характер, и от уяснения ее смысла зависит уяснение если не всей гадамеровской концепции, то уж данной главы во всяком случае. Речь идет о роли предпонимания в истолковании. Структуру предпонимания образуют Vorhabe, Vorsicht и Vorgriff (переданных в русском тексте как «намерение», «предосторожность» [7] и «предрешение» [8]). Для Хайдеггера дело заключается в радикальном пересмотре статуса предпонимания: мало лишь допустить Vorhabe, Vorsicht и Vorgriff, смириться с ними, объяснив их наличие за счет Einfälle и Volksbegriffe (в переводе: «проникающих через ложные идеи и повседневные понятия необоснованных утверждений»), необходимо актуализировать их, утвердить, «обеспечить» (zu sichern) в качестве самостоятельной темы исследования. Разработка этой темы исходя из самой сути дела (aus den Sachen selbst her) и составляет, по Хайдеггеру, первую, постоянную и последнюю задачу истолкования [9]. А теперь посмотрим, какой вид приобрела эта мысль в переводе: «его (истолкования. — *В. М.*) первой, постоянной и последней задачей остается то, чтобы, смотря по обстоятельствам, не допускать проникающих через ложные идеи и повседневные понятия необоснованных утверждений в намерения, предосторожность и предрешение, но при их разработке обеспечивать (подход) к научной теме исходя из самих вещей» (с. 97). Не правда ли, красноречивое свидетельство того, как трудно бывает понять иноязычного автора в переводе, если то, о чем пишет автор, самому переводчику непонятно.

Строго говоря, затронутый текст переводом вообще не является. Это скорее фантазия на тему оригинала. Могут возразить, что такого рода недоразумения — вещь сравнительно редкая. Увы, это не так. Я берусь назвать десятки случаев, на фоне которых перевод З. Н. Зайцевой ничем особенным выделяться не будет. Но чтобы не превращать эту заметку в нудное разбирательство, отдающее не то мелочной придирчивостью, не то сведением счетов, приведенным примером лучше ограничиться.

Не к скандалу стремился автор этих строк. Цель этого отклика иная: побудить философскую общественность задуматься, как возможно появление в печати таких переводов? Ошибки переводчика

и невнимательность редакторов? Нехватка компетентных специалистов и спешка при подготовке публикаций? Думается, однако, что дело заключается в другом. В общей ситуации, сложившейся у нас вокруг перевода иноязычных авторов.

Мы привыкли смотреть на перевод как на сугубо техническую проблему. В содержательном плане вопрос практически не ставился: молчаливо предполагалось, что достаточно знать чужой язык, чтобы уметь передать сказанное на нем средствами своего языка. Как будто любое выражение чужого языка заведомо имеет однозначное соответствие в нашем. Как будто перевод не есть всегда переход из одного смыслового универсума в другой, из одной культуры в другую.

Но, помимо этих свойств всякого перевода, у философского перевода есть одна важная особенность: предельная семантическая нагруженность. Философский текст отличает чрезвычайная наполненность и собранность смысла, крайне затрудняющая передачу такого текста на другом языке. В этой связи необходимо отметить два момента. Во-первых, лексический запас философского текста, его словарь. Означающее и означаемое здесь находятся в единстве столь неразрывном, что подходящего аналога в других языках может просто не существовать (как нет аналогов для гегелевского Gestalt или хайдеггеровского Dasein). Во-вторых, синтаксис, строй философской речи. Знаменитая острота Гегеля («мою философию нельзя изложить кратко, доступно и тем более по-французски») — больше, чем просто острота. Специфические для определенного языка вообще и для языка определенного мыслителя в частности способы организации высказываний в условиях другого языка не могут не распадаться. Перед переводчиком, таким образом, стоит задача в известном смысле неразрешимая.

Он должен нечто воссоздать, пользуясь при этом совсем другим материалом и подчиняясь совсем другим правилам. Он должен воспроизвести некоторое содержание, не располагая той формой, в которой это содержание изначально отлито. Не превращается ли тогда перевод в заведомо безнадежную затею? За этим опасением при всей его основательности кроется, как мне кажется, одно предубеждение: недоверие к собственному языку. Логика здесь простая: коль скоро чего-то в языке нет, то и быть не может. Однако язык, на котором мы мыслим и говорим, располагает колоссальными потенциями. Нет никаких оснований полагать, будто для *вещей*, о которых говорит западная философия, в русском языке нет *слов*. Или, точнее, что таких слов нельзя разыскать.

Здесь необходимо одно существенное уточнение. Отправным пунктом этих рассуждений было убеждение в принципиальной переводимости мыслительных содержаний. Залогом такой переводимости служит богатейшая и плодотворнейшая история русской культуры. Однако выпадение из общего духовного движения на несколько десятилетий даром не проходит.. Оно не могло остаться без последствий для языка. Применительно к нашему предмету

это означает следующее: необходима долгая работа по созданию внутри русского языка таких концептов и структур, которые позволили бы адекватно воспроизводить тексты европейской философии XX в. Пока этого не произошло, философский перевод возможен как пересказ. В этом нет ничего принижающего наше достоинство. Поняв, что в оригинале сказано, мы найдем способы его пересказать.

Перевод всегда в некотором роде пересказ. Он представляет собой существование определенного смыслового целого в отрыве от той языковой почвы, в которой оно сформировалось. Это бытие смысла в иной языковой стихии, его «инобытие». Что происходит с текстом при переходе в инобытие? Какие изменения он претерпевает, попав в другую языковую среду? Как переводчику добиться, чтобы текст туда попал? И чтобы он начал другую, самостоятельную жизнь в новой среде? (Ведь начали ее в среде русского языка — усилиями Г. Г. Шпета и Б. Г. Столпнера — Гегель и — усилиями В. В. Бибихина и А. В. Михайлова — Хайдеггер.)

Разбор текста, с которого мы начали, был, как нетрудно догадаться, всего лишь поводом поговорить о состоянии дел с философским переводом. На затронутые вопросы данная заметка отвечать не претендует. Целью ее было показать, что эти вопросы пора ставить.

[1] Симптоматично недоверие специалистов к русскоязычным интерпретациям первоисточников, с которыми они работают. Вспомним хотя бы работы Э. В. Ильенкова, где Маркс постоянно проверяется по тексту подлинника, или книгу Н. В. Мотрошиловой о Гегеле (1984) с характерным скрупулезным всматриванием в немецкие издания гегелевских сочинений.

[2] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод (фрагменты) / Вводный коммент. и пер. З. Н. Зайцевой // Филос. науки. 1987. № 6. С. 94—105.

[3] Заранее приношу извинения за некоторый буквализм в передаче фрагментов оригинала — сохранение предложенной переводчицей лексики необходимо для наглядного сопоставления синтаксиса.

[4] «. . .eben dieses ständige Neu-Entwerfen, dass die Sinnbewegung des Verstehens und Auslegens ausmacht» (*Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Tübingen, 1960. S. 252).

[5] «Es gibt hier keine andere „Objektivität" als die Bewährung, die eine Vormeinung durch Ihre Ausarbeiting findet» (Ibid.).

[6] «. . .die Worte, die er gebraucht, in dem mir vertrauten Sinne nimmt» (Ibid.).

[7] Нельзя не оговориться, что, хотя одним из значений слова Vorsicht действительно является «осторожность», в хайдеггеровском употреблении оно несет совершенно иной смысл и означает «пред-видение», «пред-усматривание».

[8] Vorgriff — вообще-то означает буквально «предварительное схватывание», что по-русски могло бы выглядеть как «предвосхищение».

[9] Der Zirkel darf nicht zu einem vitiosum, und sei es auch zu einem geduldeten, herabgezogen werden. In ihm verbirgt sich eine positive Möglichkeit ursprünglichsten Erkennens, die freilich in echter Weise nur dann ergriffen ist, wenn die. Auslegung verstanden hat, dass ihre erste, ständige und letzte Aufgabe bleibt, sich Jeweils Vorhabe, Vorsicht und Vorgriff nicht durch Einfälle und Volksbegriffe vorgeben zu lassen, sondern in deren Ausarbeitung aus den Sachen selbst her das wissenschaftliche Thema zu sichern.